

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 11.

1 ЮНЯ.

1908 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ

III

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

С.-Петербургъ, Площадь Маринскаго театра, 6.

А. Нуринъ: „Слонъ“ разсказъ для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна **25** к.

Н. Манаскина: Разсказы для дѣтей. Иллюстраціи художниковъ: *Т. Гиппиусъ*, *В. Замирайло*, *А. Линдеманъ*, *А. Мурашко*, *М. Сабашниковой*, *П. Соловьевой*, (*Allegro*) и *Е. Чичаговой*. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** коп.

П. Соловьевой (*Allegro*). „Елка“. Стихи для дѣтей, съ рисунками автора, *Т. Гиппиусъ* и др. Цѣна въ переплетѣ **1** р., въ обложкѣ **50** к.

М. С. Безобразова. „Исторія одного воробья“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

В. П. Поливанова. Разсказы „Воронъ“. — „Индѣйцы“. Съ иллюстраціями. Цѣна **25** коп.

Анатоль Франсъ. „Пчелва“. Сказка. Переводъ *Н. Манаскиной*. Съ иллюстраціями *Allegro*. Цѣна **25** коп.

Allegro. **Открытки въ краскахъ.** „Дѣти зимой“. Серія въ 12 открытокъ высылается черезъ редакцію за **40** к., подписчикамъ «Тропинки» за **25** к.

В. Малахѣва-Мировичъ. „Золотой домъ“. Разсказы для дѣтей съ иллюстраціями. Цѣна въ переплетѣ **1** р. **50** к., въ обложкѣ **1** р.

О. Бьялевская. „Капель“. Стихи. Цѣна въ переплетѣ **75** к., въ обложкѣ **40** к.

1908 годъ

Юнь № 11.

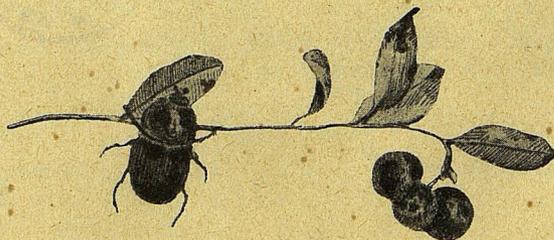
ЖУРНАЛЬ

ТРОПИНКА.

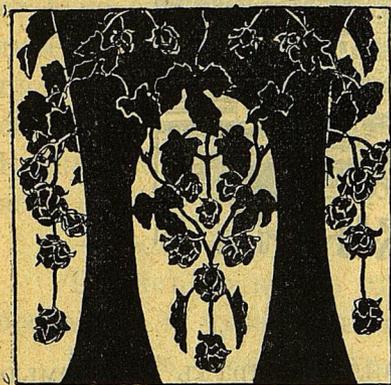

Содержаніе.

1. Ночью — стихотвореніе *А. Блока*.
2. Ганьдейкина жизнь — повѣсть *Ив. Кондурушкина*.
(Продолженіе).
3. Молебень во время засухи — картина *Г. Мясоедова*.
4. Проводы новобранца — картина *И. Рѣпина*.
5. Моряночка — старинная народная пѣсня.
6. Какъ птицы спятъ — *К. Соколова*.
7. Голосъ природы. (Исторія одной собаки) — *Джема Лондона*. Переводъ *Н. Манасеиной*. (Продолженіе).
8. Гномы. (Съ польскаго) — *К. Гинзбургъ*.
9. Народныя пѣсенки. 1. Мыши. 2. Совинья дѣти.
10. Ребусъ № 4.
11. Загадки.

Ночью.

ОЛНЬИЙ мѣсяцъ всталъ надъ лугомъ
Неизмѣннымъ, дивнымъ кругомъ:
Свѣтитъ и молчитъ.
Блѣдный, блѣдный лугъ цвѣтущій,
Мракъ ночной по немъ ползущій
Отдыхаетъ, спитъ.
Жутко выйти на дорогу:
Непонятная тревога

Подъ луной царить...
Хоть и знаешь: утромъ рано
Солнце выйдетъ изъ тумана,
Поле озаритъ,
И тогда пройдешь тропинкой,
Гдѣ подъ каждою былинкой
Жизнь кипитъ.

Александръ Блокъ.

УШ.

Наступала страда — жнитво. Михайла забираль всю семью и выѣзжалъ въ поле жать.

Жнитво было далеко отъ села, версть десять. Уѣзжали на всю недѣлю, брали съ собой сухарей, пшена, масла.

Ѣхалъ въ поле и Гандя. Ему давали маленькій серпъ и заставляли жать.

Съ непривычки Гандя обрѣзывалъ себѣ пальцы, скоро утомлялся, руки и ноги затекали, спину ломило, голова болѣла, потому что нужно было стоять, согнувшись подъ горячимъ солнцемъ. Но не жать было нельзя, иначе отецъ не дастъ ѣсть.

Кончалось ржаное жнитво, какъ разъ передъ Ильинской ярмаркой, двадцатаго іюля. Въ этотъ день Михайла ѣхалъ съ ребятами на ярмарку въ село Хворостянку.

Ильинъ день для Ганди былъ наилучшимъ днемъ въ году. На ярмаркѣ Михайла давалъ ему гривенникъ, и мальчу-

ганъ первымъ долгомъ лѣтъль пить „бабарскій“ квасъ. Этотъ квасъ казался Ганьдѣ необычайнымъ лакомствомъ, и онъ только изъ-за кваса завидовалъ богачамъ, которые могутъ каждый день пить квасъ до-сыта.

На остальные деньги Ганьдя шелъ въ балаганъ, гдѣ столько было чудесъ, что онъ все время стоялъ съ разину-тымъ ртомъ. Когда у него уже не было больше денегъ, онъ по цѣлымъ часамъ торчалъ у балагана и глазѣлъ на распи-санныхъ клоуновъ. У балагановъ всегда толпился народъ. На крышу вылѣзалъ черезъ каждый часъ клоунъ и оралъ во все горло:

— Вотъ она, вотъ она, вотъ она — я!

Тотчасъ со всѣхъ сторонъ, давая другъ друга, къ балагану бросались и мужики, и бабы, и ребятишки.

Клоунъ растягивалъ свои широчайшіе ситцевые шаровары, у которыхъ назади были нарисованы часы, прыгалъ, кривиль рожу и пѣлъ дикимъ голосомъ.

Мужики, запрокинувъ пыльные, желтыя бороды, хохотали, ребятишки визжали отъ удовольствія. Всѣ кричали, смѣялись, толкали, пылили. По рядамъ, мимо лавокъ, ходили толпы народа и покупали товары: пряники, конфеты, изюмъ. А солнце сверху калило и наяривало, словно оно вотъ тутъ было, надъ головой, рукой достать. Тишь вверху, ни вѣтринки.

Около загородокъ, гдѣ продавали лошадей, сквозь черную пыль едва было видно небо.

Барышники щелкали длинными кнутами, пугали лошадей, тѣ шарахались кучей, вскидывая задними ногами. Между за-городками скакали на сухощавыхъ лошаденкахъ калмыки, киргизы, башкиры, желтолицые, узкоглазые, одѣтые, не смотря на 30 градусовъ жары, въ теплую одежду и мѣховыя съ на-ушниками шапки.

Вечеромъ Михайла забираль дѣтей и возвращался домой. Гандя былъ страшно доволенъ и всю дорогу свистѣлъ въ глиняную дудку, которую ему купилъ отецъ.

IX.

Осенью брата Ганди, Петруху, взяли въ солдаты, и Михайлѣ стало тяжелѣе. Теперь въ хозяйствѣ только онъ

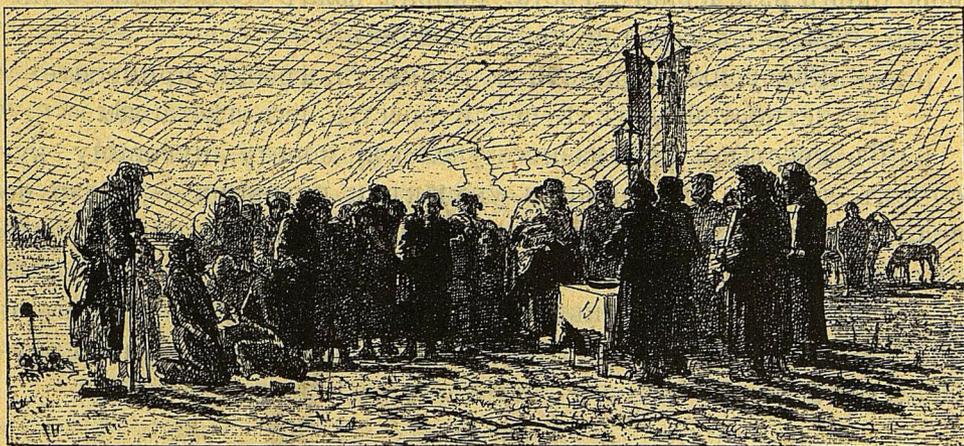

Проводы новобранца. Картина И. Рѣпина.

одинъ и былъ работникъ. Весной, вмѣсто трехъ десятинъ, Михайла смогъ посѣять только двѣ.

Весна выдалась недружная. Снѣгъ таялъ медленно и

весь ушелъ въ землю. Всходы хлѣбовъ были на удивленье. Ждали небывалаго урожая. Но прошелъ апрѣль мѣсяць, наступилъ май и прошелъ май, а дождей не было. Хлѣба не дали колоса и засохли. Травы выгорѣли. Земля побурѣла, рѣки пересохли. Каждый день съ утра поднимался горячій вѣтеръ съ пескомъ. Отъ этого вѣтра болѣли глаза, и ныла голова. Улицы были пусты и мертвы.

Молебенъ во время засухи. Картина Г. Мясоѣдова.

Люди упали духомъ. Ходили молебствовать по полямъ и старые, и малые. Обошли верстъ 20. Ходили и на другой, и на третій день, посылали и однихъ дѣтей въ поле молиться. А дождя не было и не было.

Наступила голодовка. Ъли, что попало: липовый цвѣтъ, молотую осиновою кору, березовые листья, лебеду.

Голодало и семейство Михайлы. Случалось не ѣсть дня по два, по три. Наконецъ, все семейство отправилось въ Касимовку собирать милостыню.

Такъ дотянули до весны.

Новая весна была почему-то особенно радостна. Думалось, что больше не будет ужь ни засухи, ни голода. Всѣ вздыхали какъ-то привольно, свободно. Хотя по прежнему нечего было ѣсть, но теперь было тепло, было свѣтло. Дѣдушки, бабушки вылѣзли на солнце, а ребята гурьбой играли въ лошадки и въ волка.

На третьей недѣлѣ Великаго поста Михѣвна напекла жаворонковъ изъ чернаго тѣста. Гандя взялъ себѣ самаго большого, влѣзъ на сарай и долго кричалъ:

— Жаворонки, прилетите, донцы *), гребни принесите!

На четвертой недѣлѣ пекли кресты, изъ тѣста же.

Въ кресты клали разное: уголекъ, монету, пуговицу, кусочекъ дерева. Что значили уголекъ и пуговица — никто не зналъ, но всѣ хотѣли взять крестъ съ монетой, потому что это означало богатство.

Въ этомъ году Гандя получилъ крестъ съ углемъ и цѣлый день плакалъ: сестра сказала, что Гандя будетъ трубочистомъ.

X.

Просохли улицы и замуравились травой. Гандя вмѣстѣ съ ребятами игралъ, бѣгалъ, такъ какъ полевыхъ работъ еще не было.

Ребятишки собирались кучей и „конались“, кому быть волкомъ. Садились въ кругъ и клали всѣ по пальцу кому-нибудь на колѣно. Одинъ считалъ, т. е. говорилъ „приговорку“ по слогамъ и тыкалъ черезъ слогъ поочередно въ пальцы:

— За-яцъ бѣ-лый, ку-да бѣ-галъ, въ лѣсь зе-ле-ный,

*) Донце—доска для вставки гребня.

че-го дѣ-лалъ, лы-ки дралъ, ку-да клалъ, подъ ко-ло-ду, кто у-кралъ, Ро-ди-вонъ, по-ди вонъ, изъ о-кош-ка ку-выр-комъ.

На чьемъ пальцѣ приходился послѣдній слогъ, тотъ выходилъ изъ круга. И такъ до послѣдняго. Послѣдній былъ волкомъ. Всѣ отъ него отбѣгали въ разныя стороны и дразнили:

— Рву, рву ягоды на поповой дачѣ. Волкъ за горами, побѣгай за нами.

Волкъ ловилъ кого-нибудь, и пойманный становился самъ волкомъ. А то играли въ вороны. Опять конались и считали другую приговорку:

— Пер-вень-чики, дру-гень-чики, летѣли го-лу-бень-чики на Божью ро-су, на по-по-ву по-ло-су.

Иногда игру ребятъ прерывалъ пахучій, теплый весенній дождь. И ребятишки радостно плясали подъ дождемъ, припѣвая:

— Дождикъ, дождикъ пуше, я прибавлю гущи.

Другіе, передразнивая ихъ, пѣли на перекоръ:

— Дождикъ, дождикъ, перестань, я поѣду въ Хворостянь, Богу помолиться, Христу поклониться.

Быстро появлялись лужи, и крупныя капли дождя булькали по лужамъ, какъ масло на сковородкѣ.

Послѣ дождя по улицѣ текли широкіе, мутные ручьи, и ребятишки, засучивъ до пояса штанишки, бѣгали по водѣ, забрызгивая другъ друга, съ криками и смѣхомъ.

XI.

Жнитво въ этомъ году было веселое. Урожай давно невиданный: хлѣбъ стоялъ стѣной, зерно крупное, полное. Хозяйскія сердца въ маслѣ плавали отъ радости.

По вечерамъ на станахъ передъ ужиномъ собирались хороводы. Становились въ кругъ парни и дѣвки.

Являлся гармонистъ съ гармоніей и жарилъ плясовую. Въ кругъ выходилъ парень-плясунъ, заламывалъ шапку такъ, что неизвѣстно, какъ только она держалась на головѣ, ходилъ по кругу „чортомъ“ и выдѣлывалъ ногами такія буквы, какія и нѣмцамъ не снились.

Забывалась и дневная усталъ, и нестерпимый жаръ, и 20 часовъ непрерывнаго труда.

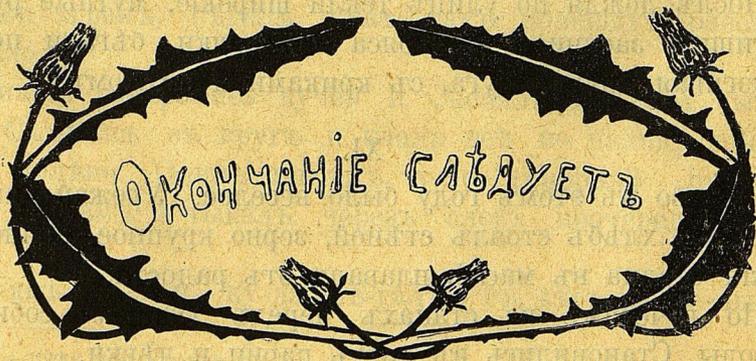
А степь разметалась на десятки верстъ кругомъ, и во всѣ стороны по ея усталой груди, неслась, и прыгала, и заливалась удалая, звонкая пѣсня.

Гандя любилъ такіе вечера, когда наступали тихія, нѣжно-вздыхающія потемки, зажигались костры, и вкусно пахло полевой кашей съ дымомъ.

Особенно любилъ онъ слушать одну и ту же пѣсню, что пѣлъ всегда отецъ.

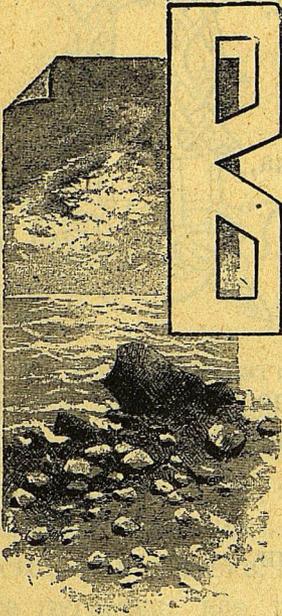
Въ пѣснѣ говорилось про какого-то Морянина, который женился на Моряночкѣ. У нихъ родился Моряненокъ. Когда поѣхали они къ матери, на нихъ напали разбойники, убили Морянина, Моряненокъ въ море бросили, а Моряночку въ полонъ взяли.

Гандя плакалъ отъ жалости и подъ эту пѣсню засыпалъ.

Моряночка.

(Старинная народная пѣсня).

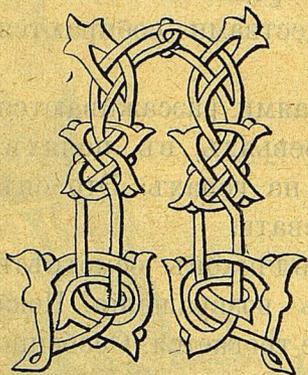

О ГРАДѢ было во Кіевѣ
Жила-была честна вдовушка;
У нея было девять сыновъ
А десятая дочка милая.
Первые три братца въ короли пошли,
Други три братца въ цари бѣлые,
Третьи три братца во разбойнички.
Дочку милую замужъ выдали,
Замужъ выдали за Морянина.
И поѣхалъ онъ съ нею за море.
И родился у нихъ тамъ Моряночекъ.
Она годъ жила и не плакала;
На второй годъ и не подумала,
А на третій годъ встосковалася.
Стала Морянина въ гости звать,
Въ гости звать къ родимой матушкѣ.

Они день ѣдутъ, и другой ѣдутъ,
На третій день становилися
Кашу варить и коней кормить.
И затеплили теплу теплину,
Наварили же каши пшенныя.
Не злы вороны налетали—
Злы разбойнички наѣхали,
Морянина-то зарѣзали,

Морянечка въ огонь бросили,
А Моряночку во полонъ взяли.
Разбойнички послѣ спать легли.
Одинъ изъ нихъ не спитъ, не лежитъ,
Не лежитъ онъ, Богу молится,
Самъ Моряночку выпрашиваетъ:
-- Морянка, Морянка, Моряночка,
Изъ котораго ты города?
Ты какого отца, матери?
— Я города Стольнаго Кіева,
Жила тамъ была честна вдовушка,
У нея было девять сыновъ,
А десятая я несчастная.
Меня братья возлелѣяли,
Возлелѣявъ, замужъ выдали
За молодого за Морянина. —
Возопилъ онъ тутъ громкимъ голосомъ:
— Вы братья, вы братья родимые!
Не Морянина мы зарѣзали,
Мы зарѣзали зятя милаго!
Не Морянечка въ огонь бросили,
А племянника мы родного!
Не Моряночку въ полонъ взяли,
Полонили сестру родимую! —
— Сестрица, сестрица родимая,
Ты не сказывай нашей матушкѣ;
Мы опять тебя замужъ выдадимъ,
Надѣлимъ тебя больше прежняго. —
Какъ возговорить во слезахъ сестра:
— Ахъ, и чѣмъ вы меня не надѣлите,
Мила друга моего не воскресите.

Какъ птицы спятъ.

ТИЦЫ спятъ очень мало. Засыпаютъ онѣ съ закатомъ солнца, а просыпаются на зарѣ. Лѣтнія ночи—короткія ночи, и птицамъ совсѣмъ мало приходится спать. Да и спятъ онѣ не крѣпко, больше дремлютъ, чѣмъ спятъ, и даже во снѣ прислушиваются, какъ бы въ темнотѣ не подобрался какой-нибудь врагъ. А враговъ у птицъ много. Ихъ сторожатъ и звѣри, и змѣи, и хищныя птицы. Защищаться птицы, особенно мелкія, не могутъ, могутъ только улетѣть въ минуту опасности. Ночью же, въ темнотѣ, не видно, откуда грозитъ бѣда, хищникъ подобрется такъ незамѣтно, что и вспорхнуть не успѣешь. Трусить бѣдная птица. Каждую ночь, засыпая, не знаетъ, проснется ли по утру. Не спокоенъ ея сонъ. Все пугается, все прислушивается. Чуть шорохъ, и она уже вспорхнула, а дѣваться и некуда. Ночью кула полетишь, а если и полетишь, то можно и еще въ худшее мѣсто попасть. И вотъ, немного обождавъ, птица возвращается на прежнее мѣсто и часто со страху уже не засыпаетъ до самаго утра, а если и спитъ, то сонъ ея неспокойный. Отъ такого сна трудно отдохнуть, трудно набраться силъ для дня. А лѣтній день такой длинный, такой рабочій. Надо искать корма себѣ, дѣтямъ. Плохо приходится, если ночь прошла неспокойно,

силы не тѣ, а можетъ ночью и такое случиться, что на утро отъ птицы и слѣда не останется. Ночлегъ неудачный попадетъ, по близости какой-нибудь хищникъ окажется, и къ утру вмѣсто птицы ни перышка.

Очень осмотрительны должны быть птицы въ выборѣ ночевки. Долго и много сговариваются онѣ передъ сномъ, чтобы выбрать подходящее мѣсто. Цѣлыми обществами собираются для такихъ разговоровъ.

Иногда передъ вечеромъ птицы стаями разсаживаются на высокихъ или одиноко стоящихъ деревьяхъ, въ поляхъ, на лугахъ, на островахъ, на скалахъ и на горахъ. Это онѣ собрались на совѣщаніе о томъ, гдѣ ночевать.

Собравшись, онѣ отправляютъ развѣдчиковъ осмотрѣть намѣченное мѣсто, а сами ожидаютъ ихъ возвращенія. Пока не вернутся развѣдчики, стая съ мѣста не трогается. Особенно осторожны въ выборѣ ночлега журавли и вороны. Они посылаютъ на развѣдки по нѣскольку разъ.

Поджидая развѣдчиковъ, стая шумитъ, чирикаетъ, поетъ или воркуетъ, а воробьи въ это время часто ссорятся и даже дерутся.

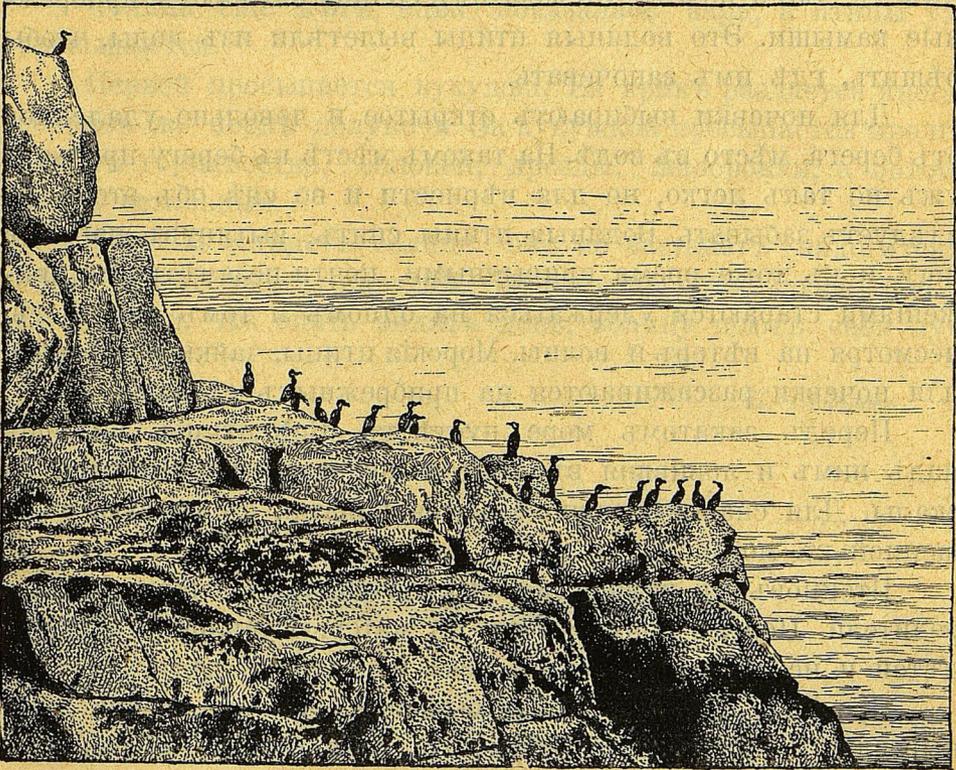
Когда развѣдки кончены, и надежное мѣсто выбрано, стая сразу, съ громкимъ крикомъ, снимается съ мѣста, но какъ только птицы уже поднялись, крикъ смолкаетъ, и стая, уже молча и безъ всякаго шума, летитъ къ мѣсту спанья и опускается на него, сохраняя полнѣйшую тишину.

И летятъ, и садятся на ночевку птицы съ большой осторожностью, все время заботясь о томъ, чтобы ихъ не подкараулил какой-нибудь хищникъ.

Обыкновенно ночуетъ вмѣстѣ вся стая цѣликомъ, всѣ птицы, которыя были на вечернемъ собраніи, кромѣ птицъ, сидящихъ на яйцахъ. Матери послѣ сборища возвращаются

домой, а не ночуютъ со всѣми, какъ это бываетъ въ другое время.

Ночуя иногда довольно большими стаями, а иногда кучками въ нѣсколько птицъ, ночующія стараются быть поближе

Бакланы, собравшіеся на ночлегъ.

другъ къ другу и если возможно, то прижаты къ сосѣдямъ. Вмѣстѣ не такъ страшно, да и теплѣе.

Большинство птицъ спитъ на деревьяхъ: сидятъ на вѣткѣ, согнувъ пяточки или стоятъ на одной ножкѣ, а другую прячутъ въ перья на брюшкѣ, а голову въ перья на спинкѣ.

Дятель ночуетъ въ одиночку, у себя въ дуплѣ. Орлы ночуютъ или въ горахъ, или въ степи, гдѣ ихъ застала ночь. Всего удивительнѣе спятъ водяныя птицы. Онѣ и ночью остаются въ водѣ, но для того, чтобы выбрать ночевку, тоже собираются вмѣстѣ. Вотъ почему съ закатомъ солнца оживаютъ прибрежные камыши. Это водяныя птицы вылетѣли изъ воды, чтобы рѣшить, гдѣ имъ заночевать.

Для ночевки выбираютъ открытое и довольно удаленное отъ берега мѣсто въ водѣ. На такомъ мѣстѣ къ берегу прибѣть ужъ не такъ легко, но для вѣрности и во снѣ объ этомъ не слѣдуетъ забывать. Водяныя птицы спятъ, вытянувъ на водѣ ноги и въ тоже время привычными, почти незамѣтными движеніями стараются удержаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, несмотря на вѣтеръ и волны. Морскія птицы, чайки и бакланы, для ночевки разсаживаются на прибрежныхъ скалахъ.

Передъ закатомъ море пустѣетъ. Всѣ птицы, летавшія надъ нимъ и ловившія въ немъ рыбу, сразу поднимаются на скалы. Для сна онѣ располагаются рядами, съ грудью, обращенной къ морю.

Птенцовъ въ гнѣздахъ обыкновенно укладываютъ спать родители. Передъ сномъ отецъ съ матерью усиленно кормятъ дѣтей и не засыпаютъ сами, пока не заснутъ дѣти.

Про одну ласточку рассказываютъ, что она, когда дѣти выросли, и гнѣздо стало тѣснымъ, пока птенцы не разлетѣлись, ночевала рядомъ съ ними на бузиновомъ кустѣ.

Какъ и другія птицы, она никогда не засыпала, раньше своихъ дѣтей и съ своего мѣста все время слѣдила за ними. Утромъ она просыпалась всегда первая и, проснувшись, ждала, когда поднимутся головки, и откроются крошечные, круглые темные глазки.

Ночью птицы часто видятъ сны. Это можно наблюдать

на нашихъ комнатныхъ птицахъ. Иногда, уже заснувъ въ клѣткахъ, канарейка или чижики вдругъ пискнутъ, или причрикаютъ, или нѣсколько разъ взмахнутъ крылышками. Это онѣ хорощій сонъ увидѣли или чего-нибудь испугались во снѣ.

Солнца еще нѣтъ, едва показалась заря, а птицы уже просыпаются.

Первой просыпается кукушка. Ея крикъ раздается иногда сейчасъ же послѣ полуночи. За кукушкой просыпается иволга, потомъ горихвостка, соловей, дрозды, жаворонки, а потомъ и всѣ остальные.

И когда встанетъ солнце, оно не застанетъ никого спящимъ въ птичьемъ царствѣ. Всѣ птицы уже проснулись и въ радости, что опять видятъ день, солнцу поютъ свои лучшія пѣсни.

К. Соколовъ.

Голосъ природы.

(Исторія одной собаки).

(Продолженіе).

Г Л А В А Ш.

Хищный звѣрь.

ВѢ БукѢ подѣ вліяніемъ новыхъ условій жизни все больше и больше пробуждался хищный звѣрь, но онѣ скрывалъ это, какъ скрывалъ и свою ненависть къ Шпицу. Шпицъ же, чуя опаснаго соперника въ БукѢ, пользовался каждымъ случаемъ, чтобы показать ему зубы, задиралъ его и вызывалъ на бой, который долженъ былъ кончиться смертью одного изъ нихъ. Это понимали они оба.

Одинъ разъ Шпицъ улегся въ яму, выкопанную для ночевки Букомъ, въ то время, какъ того позвали ѣсть. Буку это показалось чересчуръ дерзкимъ, и онѣ съ яростью налетѣлъ на Шпица.

Рыча и оскаливъ зубы, стояли они другъ передъ другомъ, готовые начать бой, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, на стоянку налетѣла цѣлая свора голодныхъ собакъ изъ индѣйской деревни.

Шпицъ и Букъ сейчасъ же опомнились и вмѣстѣ съ другими товарищами набросились на чужихъ собакъ.

Собаки Перроля побѣдили, но побѣда досталась имъ не даромъ. Онѣ были порядкомъ искусаны и потрепаны.

Видъ у нихъ былъ такой жалкій, что Франсуа долго и

жалобно причиталъ надъ ними, а Перроль въ раздумѣ только качалъ головой.

До Даусона оставалось еще цѣлыхъ четыреста миль самой тяжелой дороги, а собаки были какъ разъ утомлены, истрепаны и всѣ въ ранахъ.

Теперь путь шелъ по рѣкѣ съ такимъ быстрымъ теченіемъ, что вся она не могла замерзнуть, и ледъ стоялъ на ней только мѣстами. Въ шесть дней цѣлыхъ тридцать ужасныхъ миль должны были пройти собаки внизъ по теченію, держась у самаго берега. Каждый шагъ грозилъ смертельной опасностью. Перроль шелъ впереди и много разъ, только благодаря длинному шесту, которымъ онъ ощупывалъ ледъ, ему удавалось удержаться, чтобы не уйти съ головой въ одну изъ безчисленныхъ прорубей. Каждый разъ при этомъ онъ успѣвалъ вымокнуть, и это при 50 градусахъ мороза. Тогда весь поѣздъ останавливался. Разводили огонь, Перроль развѣшивалъ у костра обледенѣвшую одежду и согрѣвалъ свои онѣмѣвшіе отъ холода члены. Безъ такой предосторожности ему грозила вѣрная смерть.

Но Перроль не терялъ мужества. Его маленькое, морщинистое лицо выражало одно упрямство при каждой опасности, при каждомъ вѣтрѣ, при всякой погодѣ. Онъ боролся съ утра до вечера. Ничто не казалось ему труднымъ и неисполнимымъ. Вотъ за эти-то качества онъ и былъ выбранъ для исполненія самыхъ важныхъ порученій. Случилось разъ, что сани сорвались въ трещину во льду и потащили за собой Бука и Даша. Ихъ вытащили полузамерзшими, почти захлебнувшимися, и на этотъ разъ уже для нихъ развели огонь. Шерсть собакъ вся обледенѣла, и люди ждали, пока онѣ высохнутъ и согрѣются.

А въ другой разъ сорвался Шпицъ и потащилъ за собой

всѣхъ другихъ собакъ. Тогда Букъ собралъ всѣ свои силы и ему удалось удержать передовыхъ. Дашъ потянулъ назадъ, Франсуа схватился за сани.

Какъ разъ въ эту минуту и впереди, и позади нихъ

ФРАНСУА.

треснуль ледъ; какимъ - то чудомъ удалось Перролю вскарабкаться на скалу. Изо всѣхъ силъ потащилъ онъ навверхъ за собой и собакъ. Онѣ тоже помогали ему, и сани очутились на скалѣ. Но что же было дѣлать дальше? Вѣдь на другомъ мѣстѣ, куда бы они ни спустились, могло быть еще хуже, а между тѣмъ наступила ночь, и темнота могла ихъ захватить прежде, чѣмъ они успѣли бы выбраться на безопасное мѣсто.

Въ этотъ день они подвинулись впередъ только на четверть мили. Когда имъ наконецъ удалось добраться до стоянки, Букъ былъ въ полномъ изнеможеніи, и остальные собаки тоже едва двигались. Но Перроль хотѣлъ во что бы то ни стало наверстать потерянное время

и пустился въ путь съ ранняго утра.

Ноги у Бука не были такими загрубѣлыми и выносливыми, какъ у сѣверныхъ собакъ. Всѣ его предки, родъ кото-

рыхъ шель отъ собаки, спутницы пещернаго чѣловѣка, имѣли мягкія ступни. Отъ боли Букъ едва передвигаль ноги и вечеромъ на стоянкахъ падалъ, какъ мертвый. Даже голодъ не могъ заставить его подняться, и Франсуа самъ подносилъ ему его порцію мяса. Каждый вечеръ послѣ ужина кто-нибудь изъ людей растиралъ Буку по полчаса ноги, а Перроль изъ одного изъ своихъ моккасинъ сдѣлалъ ему четыре маленькихъ сапога. Это очень облегчило собаку, и даже суровое лицо Перроля дрогнуло отъ смѣха, когда Букъ какъ-то утромъ явился къ нему за этими сапогами. Франсуа забылъ ихъ надѣть ему, и Букъ, найдя Перроля, легъ передъ нимъ на спину и съ просительнымъ жестомъ поднялъ кверху всѣ свои четыре необутыя лапы.

Враждебныя отношенія Бука со Шпицомъ все обострялись. Шпиць чужалъ, что его главенство, какъ жожака, становится все болѣе и болѣе непрочнымъ, и причиной этого былъ Букъ, ничтожная собака съ юга. Шпиць ставилъ довольно низко всѣхъ собакъ съ юга. До сихъ поръ ни одна изъ нихъ не выдерживала долго работы съ санями. Всѣ онѣ были изнѣжены и трусливы. Букъ былъ первымъ и пока единственнымъ исключеніемъ. Онъ одинъ выдерживалъ тяжелую работу и былъ равенъ по силѣ и хитрости лучшимъ сѣвернымъ собакамъ. Никогда не уклонялся онъ отъ исполненія своего долга. Всегда былъ терпѣливъ и послушенъ. Это терпѣніе выводило изъ себя Шпица. Но было и еще одно обстоятельство, очень его тревожившее: онъ чужалъ, что честолюбіе Бука было направлено къ тому, чтобы стать жожакомъ.

И это было дѣйствительно такъ. Совсѣмъ особенное чувство гордости, то чувство, которое поддерживало и всѣхъ другихъ собакъ въ трудной работѣ, захватило и Бука. Это было честолюбіе, заставлявшее собакъ бѣжать изъ послѣднихъ силъ,

честолюбіе, превращавшее самых сонныхъ и равнодушныхъ изъ нихъ въ живыхъ и ревностныхъ работниковъ. Это честолюбіе заставляло Шпица зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы каждая собака во время была на своемъ мѣстѣ и наказывать провинившихся. Теперь же Букъ началъ оспаривать у него эту должность.

Какъ-то ночью выпало особенно много снѣга, и на другое утро не хватало одной собаки. Это былъ Пейкъ, который уже не въ первый разъ не являлся во время. Онъ лежалъ въ укромномъ мѣстечкѣ подъ снѣгомъ. Франсуа звалъ и искалъ его, но все было напрасно. Шпиць бѣсился, такъ какъ отъѣздъ задерживался. Онъ сновалъ повсюду, повсюду разнюхивалъ, разгребалъ снѣгъ, но преступникъ не находился. Такимъ угрожающимъ было рычанье Шпица, что Пейкъ въ своемъ убѣжищѣ весь трясся и сжимался еще сильнѣе.

Когда же, наконецъ, его нашли, и Шпиць наскочилъ на него въ праведномъ гнѣвѣ, то рядомъ съ нимъ очутился и Букъ. Онъ тоже собрался наказать лѣнтяя и такъ неожиданно бросился между Шпицомъ и Пейкомъ, что Шпиць потерялъ равновѣсіе и отлетѣлъ въ сторону. Шпиць въ ярости на Бука забылъ и Пейка. Враги готовы были сцѣпиться, но въ эту минуту явился Франсуа со своимъ хлыстомъ, и поединокъ не состоялся.

Къ счастью, путешествіе подходило къ концу, и это было какъ разъ время, потому что вражда между Букомъ и Шпицомъ обострилась еще больше. Букъ сдерживался только въ присутствіи Франсуа. Его возбужденіе передавалось всѣмъ другимъ собакамъ и грозило перейти въ открытый бунтъ. Между собаками началась постоянная грызня, зачинщикомъ которой всегда бывалъ Букъ. Франсуа становилось все труднѣе держать въ повиновеніи собакъ. Особенно трудно приходилось

ему, когда надо было водворять миръ между Букомъ и Шпицомъ. Пока это ему еще удавалось, но онъ зналъ, что рано или поздно вражда кончится гибелью одного изъ противниковъ. Хотѣлось ему, чтобы это случилось какъ можно позднѣе, и потому часто по ночамъ при какомъ-нибудь подозрительномъ шумѣ онъ выскакивалъ изъ мѣхового мѣшка, въ которомъ спалъ, чтобы съ хлыстомъ бѣжать на мѣсто схватки.

Наконецъ, въ одинъ сѣрый вѣтренный день, послѣ полудня, добрались они до Даусона. Здѣсь было много людей и еще больше собакъ. И люди, и собаки—всѣ работали. Собаки здѣсь были вмѣсто лошадей. Онѣ возили по улицамъ дрова, руду и камни. Цѣлыми днями и даже по ночамъ катились повозки. Здѣсь Букъ встрѣтилъ и южныхъ собакъ, но большинство было все таки эскимосской породы. Каждую ночь ровно въ девять часовъ, въ двѣнадцать и въ три поднимали онѣ заунывный вой, и Буку доставляло огромное удовольствіе принимать участіе въ этихъ концертахъ.

При тускломъ свѣтѣ полуночного солнца, когда звѣзды дрожали отъ холода, усаживались собаки и затыгивали старую, какъ мѣръ, пѣсню. Пѣсня эта вызывала странное волненіе въ Букѣ. И когда онъ присоединялъ свой голосъ къ ночному пѣнію, то казалось, что онъ поетъ не самъ, а поетъ въ немъ духъ предковъ, которые страшились неизвѣстнаго и таинственнаго въ холодной и темной ночи.

Черезъ семь дней послѣ прибытія въ Даусонъ, Перроль съ собаками собрался ѣхать обратно. На этотъ разъ онъ получилъ еще болѣе важныя депеши для передачи, и ему захотѣлось отличиться. Все складывалось очень хорошо для путешествія. Собаки отдохнули и оправились за недѣлю отдыха. А дорога, по которой Перроль съ собаками первый проложилъ путь, оставалась еще хорошо укатанной, и новаго снѣга на ней

было мало. Да и поклажи теперь на саняхъ было меньше, потому что на дорогѣ открыли продовольственный пунктъ, и не надо было запасаться припасами на все время путешествія.

Въ первый же день имъ удалось отѣхать на шестьдесятъ миль. Бѣжали собаки отлично, но Франсуа было не легко съ ними. Шпицъ потерялъ всякое вліяніе на собакъ. Онѣ его больше не слушались и даже какъ будто перестали бояться. Пейкъ укралъ у него изъ-подъ самага носа кусокъ мяса и преспокойно уплелъ его подъ охраной Бука. Залѣнившіяся собаки уже не принимали съ прежней покорностью заслуженное наказаніе, даже добродушный всегда Билли и тотъ перемѣнился. Мимо Шпица Букъ проходилъ не иначе, какъ съ рычаніемъ и оскаливъ зубы. Собаки вѣчно грызлись и рычали. Спокойно, какъ всегда, вели себя только Дашъ и Соллексъ.

Франсуа не выпускалъ изъ рукъ хлыста, но и хлыстъ какъ-то больше не помогалъ. Франсуа отлично понималъ, что зачинщикъ всего Букъ, но ни разу не могъ поймать его на мѣстѣ преступленія. Какъ всегда, бодро и усердно выступалъ онъ въ упряжи, работа по прежнему была ему въ радость, но еще больше радовался онъ, когда ему удавалось куснуть изподтишка или незамѣтно спутать постромки.

Какъ-то разъ вечеромъ Перроль остановился на ночевку у одного изъ лежавшихъ на его пути полицейскихъ постовъ, и здѣсь одной изъ собакъ удалось вспугнуть откуда-то забѣжавшаго зайца. Въ одну минуту все огласилось страшнымъ лаемъ и воемъ. Къ собакамъ Перроля присоединились собаки съ полицейскаго поста. Ихъ было штукъ пятьдесятъ. Заяцъ несся стрѣлой по равнинѣ къ занесенному снѣгомъ лѣсу. Легко, почти не оставляя слѣдовъ, летѣлъ онъ, какъ бѣлая стрѣла, а гнавшіяся за нимъ собаки проваливались въ снѣгу. Въ Букъ вдругъ проснулся охотничій инстинктъ.

Но и Шпиць, съ виду спокойный и сосредоточенный, не зѣвалъ. Онъ зналъ мѣстность, зналъ, гдѣ удобно броситься на перерѣзъ зайцу. Букъ же ничего этого не зналъ, и въ ту минуту, когда онъ уже собрался припуститься за зайцемъ, онъ вдругъ увидѣлъ впереди себя Шпица. Это было слишкомъ. Букъ забылъ о зайцѣ. Какъ обезумѣвшій, понесся онъ на Шпица и налетѣлъ на него съ такой силой, что они оба свалились, и снѣгъ дымкой взлетѣлъ надъ ними. Шпиць первый поднялся на ноги и вонзился зубами въ плечо Бука, который почувствовалъ, что теперь или никогда должны они биться не на жизнь, а на смерть. Оскаливъ зубы, рыча, откинувъ назадъ уши, съ вставшей дыбомъ шерстью и горящими глазами ходили они другъ возлѣ друга. Кто сдѣлаеть первый прыжокъ? А кругомъ стояла тишина. Неслышно, тихо и осторожно собирались со всѣхъ сторонъ собаки, образуя кругъ около бойцевъ. Лохматая, взѣрошенная, безмолвно стояли онѣ, и въ холодномъ воздухѣ было видно ихъ дыханіе и блескъ разгоравшихся глазъ. Букъ не смотрѣлъ по сторонамъ, но зналъ, что все это навѣрное было такъ.

И бой начался.

Онъ кончился, когда взомель мѣсяць. И мѣсяць освѣтилъ неподвижнаго, побѣжденнаго Шпица и израненнаго, но гордаго своей побѣдой Бука.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГНОМЫ.

Въ воскресенье послѣ обѣда шелъ дождь, и дѣти принуждены были оставаться въ комнатѣ. Родители ихъ ушли въ гости, прислуга пошла въ церковь къ вечернѣ. Дома осталось пятеро дѣтей подѣ присмотромъ стараго дяди, который читаль имъ сказку о гномахъ, но скоро усталъ и захотѣлъ спать.

— Слушайте, вы, шалуны! — сказалъ дядя, садясь въ кресло-качалку. — Забавляйтесь сами, какъ хотите, а я, тѣмъ временемъ, подремлю. —

— Хорошо, дядя, хорошо! — закричали дѣти въ одинъ голосъ, — мы будемъ играть въ гномы.

— Ну, въ гномы, такъ въ гномы, — пробурчалъ полусонный дядя и закрылъ глаза.

Не теряя времени, дѣти принялись за дѣло. Мися стала дѣлать колпачки изъ красной бумаги для всѣхъ пятерыхъ, Маля вынула красные штанишки своихъ братьевъ, а Доля, Боря и Федя поспѣшно ихъ надѣли.

— Вы должны быть одѣты одинаково съ нами, — сказалъ Доля сестрамъ, — вѣдь у гномовъ нѣтъ дѣвочекъ, и вы должны одѣться тоже мальчиками.

— Но гдѣ взять одежду? Только три пары красныхъ штанишекъ, — сказала огорченная Маля, но вдругъ вскрикнула:

— А, придумала! Ты, Доля, дашь мнѣ свои штанишки, а самъ одѣнешься улиткой, которая нужна гномамъ; Мися

сдѣлаеть себѣ одежду изъ нянинаго платка и все будетъ хорошо. —

Совѣтъ Мали былъ принять безъ споровъ. Четыре минуты спустя, гномы уже прогуливались по комнатѣ.

Оставалось только одѣть улитку; но какъ? Доля стояла среди комнаты; личико его было пасмурно. Всѣ призадумались надъ участію улитки, у которой нѣтъ скорлупы.

— Я нашла домикъ для улитки! — крикнула вдругъ Мися такъ громко, что дядя вздоргнулъ въ креслѣ и сказала что-то во снѣ. Мися вытащила изъ гардероба маминъ корсетъ и надѣла его на Долю такъ, что только голова и ноги выглядывали изъ-подъ него.

— Вотъ видишь, у тебя голова и двѣ ноги, — объяснила она, — и ты долженъ быть доволенъ. —

Доля призналъ, что сестра права, и не старался вытащить рукъ, хотя безъ нихъ чувствовалъ себя неловко.

— Теперь гномы должны уйти въ своей подземный гротъ, — закричала Маля и полѣзла подъ дядино кресло.

Всѣ гномы послѣдовали ея примѣру, и только одна улитка осталась около кресла, потому что въ гротъ было тѣсно и улитка со своей скорлупой не могла бы въ немъ помѣститься.

Въ комнатѣ воцарилась тишина, прерываемая тяжелымъ дыханіемъ дяди. Улитка соскучилась стоять особнякомъ и закричала:

— До какихъ поръ вы будете сидѣть тамъ, согнувшись? Дядя читалъ намъ, что гномы никогда не бездѣльничаютъ, а всегда чѣмъ-нибудь заняты.

— Правда! — согласились гномы. — Мы должны оказывать разныя услуги людямъ.

Всѣ вылѣзли изъ-подъ кресла и стали думать, чѣмъ-бы заняться.

— Я буду мести избу, — сказалъ Боря и побѣждалъ на кухню за щеткой.

— Мы съ Мисей приготовимъ завтракъ и пригласимъ на него улитку, — объявилъ Федя.

— А я въ это время причешу головку ребенку хозяйки, какъ это говорится въ сказкѣ, — заявила Маля, — но такъ какъ ребенка нѣтъ въ домѣ, то его замѣнить спящій дядя. Только что же тутъ чесать? У дяди нѣтъ волосъ, а только одна лысина! — Маля призадумалась на минуту, потомъ спросила стоявшаго около нея Долю:

— Слушай, улитка! не знаешь ли ты, что дѣлають гномы, когда у ребенка еще нѣтъ волосъ? Какъ они его причесываютъ? . .

— Вѣрно, они придѣлываютъ ему волосы! А, впрочемъ не знаю, — сказала важно улитка.

Вдругъ Малѣ пришла въ голову геніальная идея: она бѣжитъ въ сосѣдную комнату и скоро возвращается съ зубной щеткой, намазанной ваксой. Придвигаетъ стулъ къ креслу, взбирается на него и, нагнувшись надъ головой дяди, усердно причесываетъ его. Въ это время возвращаются домой родители дѣтей, и мать входитъ въ дѣтскую.

Боря, въ красныхъ короткихъ штанишкахъ, дѣлаетъ видъ, что подметаетъ избу, Федя и Мися, въ такой же одеждѣ, сидятъ за маленькимъ столикомъ, покрытымъ вмѣсто скатерти полотенцемъ, а Доля круглый, какъ клубокъ, въ корсетѣ мамы, ходитъ около приготовленнаго угощенія. Маля причесываетъ дядю, у котораго лысина уже совершенно черная, а онъ, съ полуоткрытымъ ротомъ, вытянувшись въ креслѣ, продолжаетъ крѣпко спать.

Картина была такъ уморительна, что мать не могла удержаться отъ смѣха. Пришелъ отецъ, и оба смѣялись такъ

громко, что разбудили наконецъ дядю, который, открывъ глаза, спросилъ:

— Что такое? Что случилось?

— Мы играемъ въ гномы! — отвѣчали дѣти и побѣжали обнять родителей.

Дядя поднялся съ кресла, посмотрѣлъ съ удивленіемъ на переодѣтыхъ дѣтей, взглянулъ нечаянно въ зеркало и, разразясь веселымъ смѣхомъ, закричалъ:

— А это кто?.. Что это за юноша съ чернымъ чубомъ? Это вы, шалуны, такъ разрисовали меня?—

— Это не мы! Это не мы! — кричала Маля, обнимая дядю, — это гномы, потому что ты былъ ребенкомъ, и у тебя не было волосъ.

— Мы хорошо играли, дядя! — кричалъ Боря.

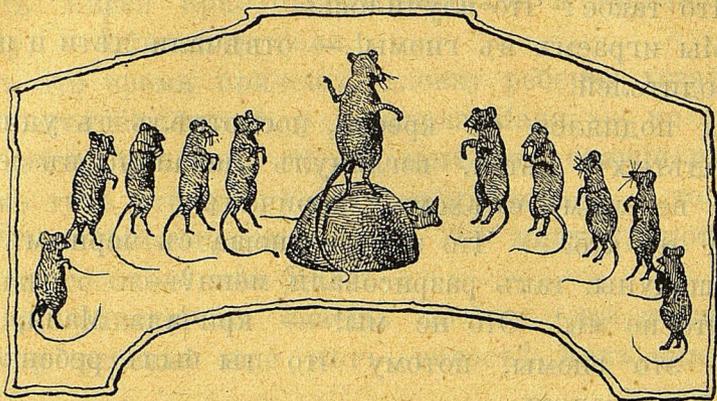
— А я прекрасно спалъ, — сказалъ дядя и, взглянувъ въ зеркало, опять засмѣялся, увидя свою раскрашенную лысину.

Скоро подали ужинать. Улитка сняла свою скорлупу, потому что безъ рукъ нельзя было приняться за ѣду. Остальные надѣли свои обыкновенныя платья. Только дядя до поздняго вечера оставался съ чернымъ чубомъ и отъ времени до времени повторялъ:

— Эхъ, если бы гномы вернули мнѣ тѣ дни, когда у меня былъ такой дивный чубъ! Золотое время напомнили вы мнѣ, ребятишки! —

И онъ улыбался задумчивой свѣтлой улыбкой.

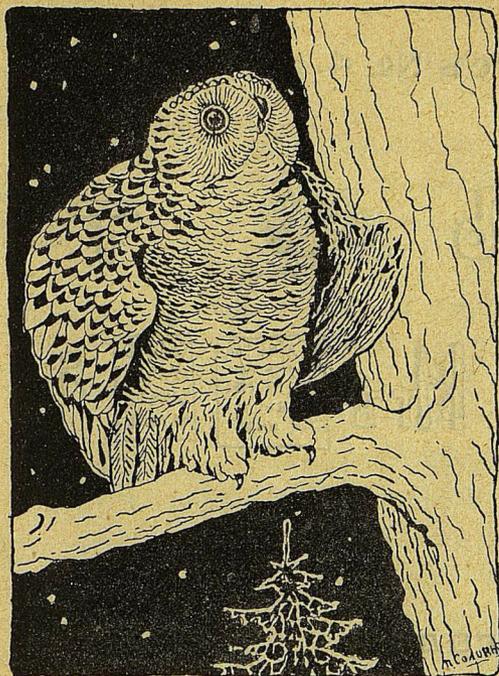
Съ польскаго перевела *К. Гинзбургъ*.

Народныя пѣсенки.

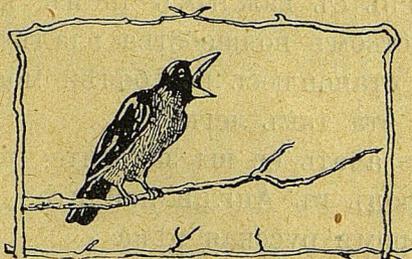
Мыши.

У зеленаго дубка
Была яма глубока.
Въ ямѣ мышки собрались.
За сухарикъ подрались.
Одна мышка околѣла:
Десять лѣтъ она не ѣла,
Всему міру надоѣла.
Стали мышку хоронить,
По мышиному вопить.
Тутъ подкрался Васька-котъ,
Перевелъ мышиный родъ.

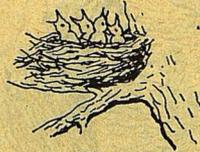
СОВИНЫЯ ДѢТИ.

Совиныя дѣти
Хотѣли летѣти
Отъ моря до моря,
До Кіева города.
Тамъ моя родина.
На родинѣ дубъ стоить,
На дубу сова сидить.
Сова—моя теща,
Воробушекъ—шуринъ
Глазъ прищурилъ.
Ворона—сестрица,
Славная пѣвица.

Ребусъ №. 4.

ИЧДЯТЪ

Т'

НЕ ТВОЕ, НЕ ЕГО,
НЕ ЕЯ, НЕ НАШЕ,
НЕ ВАШЕ И НЕ
ИХЪ.

ИГЪ

НЕ Я, НЕ ТЫ,
НЕ ОНЪ, НЕ
ОНА, НЕ МЫ,
НЕ ВЫ И
НЕ ОНЪ

10 ЛѢТЪ,
15 ЛѢТЪ,
20 ЛѢТЪ,
40 ЛѢТЪ.

Я

Загадки.

1. Вы каждый день глядите на меня,
И на день съ каждымъ днемъ, какъ всѣ, старѣю я,
Но свойствомъ волшебства владѣю я однимъ:
Старѣя, становлюсь все болѣй молодымъ.
2. Загадка эта такъ легка,
Коль разгадать ее вы захотите:
Мнѣ городъ въ Англии найдите,
Въ которомъ русская рѣка.

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-ій р., къ 1-му Мая.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ

Открыта подписка на 1908 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

III-й г.
издан.

ТРОПИНКА

III-й г.
издан.

Журналъ выходитъ **1** и **15** каждого мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ литературномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:

Аллего, К. Бальмонтъ, А. Бахтіаровъ, М. С. Безобразова, А. Блокъ, Андрей Бѣлый, Л. Бѣльскій, О. Бѣляевская, Л. Васильевскій, З. Венгерова, пр.-доц. А. Генкель, И. Гишбургъ, З. Гишшусъ, С. Городецкій, Ф. Домбровский, О. Дымовъ, Е. Елеонская, К. Ельцова, Вячеславъ Ивановъ, В. Ивановъ, А. Ковалевскій, И. Кондурушкинъ, проф. Котляревскій, А. Купринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Мамина-Сибирякъ, Н. Манасина, Д. Мережковский, В. Мировичъ, Н. Михайловъ, Ю. Навѣтова, Л. Нелидова, Н. Новичъ, Гр. Петровъ, Э. Пименова, Д. Потѣхинъ, В. Поливановъ, А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, Ф. Сологубъ, С. Соловьевъ, В. Успенскій, Е. Шведеръ, К. Чуковский, О. Чюмина, О. Химона, Е. Юнге и мн. друг.

Въ художественномъ отдѣлѣ участвуютъ:

И. Билибинъ, Т. Гишшусъ, С. Городецкій, В. Замираило, Е. Кавось-Зарудная, Е. Кругликова, А. Линдеманъ, А. Мурашко, М. Нестеровъ, П. Соловьева (Аллего), М. Сабашникова, Е. Чичагова, Е. Юнге и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставк. и пересылк. 3 руб.,
на полгода 2 руб., за границу 5 руб.

 Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ!

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія ямин.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, площадь Маринскаго театра, № 6.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева* и *Н. Манасина*.